

— Что случилось с буддийскими четками? Их мне кто-то дал, — с удивлением посмотрел Мо Цзыфэн на Цзюнь Моцина: тот явно был более взволнован, чем обычно. В голове Мо Цзыфэна невольно промелькнула мысль: а не эти ли четки...

— Я помню тот случай, когда встретил мужчину в маске...

Закончив говорить, Мо Цзыфэн украдкой взглянул на выражение лица собеседника. Его догадка подтвердилась — тот закутанный мужчина, вероятно, и был Цзюнь Моцин.

Мо Цзыфэн вспомнил: в тот день он вовсе не собирался выходить, но Мо Цзыюй стал упрашивать его. Учитывая, что его здоровье оставляло желать лучшего и у него редко была возможность прогуляться, он согласился. Однако, выйдя на улицу, он обнаружил, что делать там нечего, а Мо Цзыюй к тому моменту уже куда-то исчез. Побродив с маленьким слугой, Мо Цзыфэн случайно наткнулся на раненого мужчину, лицо которого было скрыто маской. Тот выглядел едва живым, а его слуга, молодой и явно растерянный, не знал, что делать. Мо Цзыфэн, недолго думая, оказал первую помощь, остановив кровь и сделав перевязку. Больше он, не будучи врачом, сделать не мог.

Перед тем как уйти, слуга настойчиво пытался вручить ему деньги. Мо Цзыфэн отказывался, но тот упрямо настаивал, и в итоге он взял ни на что не похожие четки. Считая, что за подарок нужно отплатить тем же, он нарисовал для мужчины картину с цветами мальвы. Так они расстались, считая себя квиты.

Теперь, припоминая всё это, Мо Цзыфэн понимал: у князя всё должно быть очень ценным. Эти четки... Он сам никогда не верил в подобные вещи, но после перерождения начал относиться к ним с большим доверием, поэтому и надел их. Теперь же он думал, что, может быть, лучше было бы их не носить.

Мо Цзыфэн не знал, но Цзюнь Моцин был уверен — на каждой бусине четок была выгравирована маленькая иероглифа «Цзюнь». Его зоркий глаз сразу это заметил, хотя Мо Цзыфэн, конечно, не стал бы так внимательно рассматривать их.

Да, это был он. Тот самый молодой господин Фэнцин, который однажды спас ему жизнь.

Цзюнь Моцин любил мужчин, особенно тех, кто умел рисовать. Изначально он восхищался молодым господином Фэнцином именно из-за его картин, но позже его чувства стали гораздо глубже.

Тогда его слуга был слишком молод и плохо запоминал лица, поэтому, несмотря на все расспросы, ничего не удалось выяснить. Все эти годы Цзюнь Моцин собирал картины молодого господина Фэнцина, надеясь однажды встретиться с ним.

Смотря на эти картины, он вспоминал того человека, хотя в то время он был всего лишь князем. Как ни крути, в Императорском городе он не мог сделать ничего, и, более того, произошли те события, из-за которых ему пришлось уехать. Тогда он был в отчаянии, думая, что, возможно, так и не встретит того, кто ему так дорог.

— Если князю нравятся четки, пусть возьмёт, — Мо Цзыфэн уже был уверен, что четки как-то связаны с Цзюнь Моцином, и сейчас был идеальный момент, чтобы вернуть их.

— Не нужно. Пусть остаются у тебя. У меня была похожие, их подарила мать.

Сердце Мо Цзыфэна сжалось. Почему именно это он выбрал...

Стоп. В прошлой жизни эти четки в итоге оказались на запястье Мо Цзыюя. Видимо, он с самого всё спланировал, шаг за шагом заманивая Цзюнь Моцина в свою ловушку. Какой хитрый план!

Для Мо Цзыфэна эти четки были всего лишь украшением, не более. Но для Цзюнь Моцина они, вероятно, были напоминанием о матери.

Мо Цзыфэн не стал продолжать разговор, чтобы не раскрыть себя. Он решил притвориться глупым, ведь, скорее всего, Цзюнь Моцин уже всё понял, и лишние слова были бы бесполезны.

— Кхе-кхе-кхе... Если у князя нет других дел, простой человек хочет отдохнуть.

— Ладно. Я загляну к тебе завтра.

Что? Мо Цзыфэн с удивлением посмотрел на Цзюнь Моцина, но тот уже с достоинством вышел из комнаты...

Развитие событий явно не соответствовало ожиданиям Мо Цзыфэна. Ведь он был князем, как это он собирается навещать его?

...

После ухода Цзюнь Моцина в резиденции Мо все вздохнули с облегчением. Мо Цзябао позволил Мо Цзыюю подняться и отправил его в комнату для размышлений, запретив выходить на три месяца. На первый взгляд, наказание казалось мягким, но на самом деле Мо Цзябао планировал за это время навести порядок в резиденции. Что касается госпожи Ли, он не пошел к ней, а также запер её. Домашние дела теперь были в его руках и руках госпожи Цинь.

Пока он не собирался напрямую наказывать Мо Цзыюя, ведь тот долгое время был главным в резиденции, и его люди, вероятно, были повсюду. Кроме того, это всё же его сын, и в глубине души он не мог быть слишком жестоким.

Мо Дуну повезло меньше — его избили до полусмерти и заперли в темном дровяном сарае, где о нём никто не заботился.

А наш Мо Цзыфэн долго смотрел на женьшень, лежащий на столе. Он не мог оставить его, но и вернуть тоже не мог. В момент раздумий он услышал голос Мо Ли.

— Господин, госпожа велела отнести женьшень молодому господину Юю.

На лице Мо Ли читалось недовольство. Этот женьшень был подарен князем его господину, и даже если тот не собирался его есть, он не должен был доставаться другому. Госпожа явно была предвзята, но господин, похоже, не сердился. Мо Ли иногда действительно не понимал замыслов старшего господина.

Но для Мо Цзыфэна это было спасением. Он как раз не знал, что делать с этим женьшенем. Если съесть, то это будет выглядеть как долг, а если оставить, то Цзюнь Моцин, вероятно, не одобрит. Отдать этот «горячий картофель» было неплохим решением.

— Ступай. Отнеси моему дорогому брату. Только сделай это громко и с помпой.

Улыбка Мо Цзыфэна заставила Мо Ли почувствовать легкий озноб, но он быстро понял, что задумал господин.

— Слушаюсь, я всё сделаю как надо.

Взять его вещи было не так просто, тем более это был подарок князя. Если они осмелились взять, то пусть берут. Мо Цзыфэн только надеялся, что у них хватит удачи воспользоваться этим, хотя сомневался, что так и будет.

Мо Ли, держа в руках коробку с женьшенем, гордо направился во дворцы Мо Цзыюя. По пути он встретил множество людей, и заметил, что их отношение к нему изменилось. Раньше они либо игнорировали его, либо смотрели свысока, либо отпускали насмешки. Сегодня же многие начали льстить, чего раньше никогда не было.

Мо Ли понимал их мотивы — всё из-за того, что старший господин получил благосклонность князя. Они считали, что теперь его положение изменится, и пытались сблизиться. Мо Ли презирал таких людей, что и глаз смотрел сверху вниз, но, следуя указанию господина, решил немного покрасоваться.

Сяо Ли была одной из тех, кто раньше смотрел свысока. Она всегда была близка с Мо Дуном и никогда не обращала внимания на старшего господина. Сегодня же она сама подошла к Мо Ли.

— Мо Ли, что у тебя в руках?

— Женьшень. Подарок князя.

Услышав это, Сяо Ли сразу изменилась в лице, и её тон стал почтительным.

— Старший господин действительно в фаворе у князя.

— Естественно. Но господин не собирается им пользоваться. Госпожа сказала, что лучше отдать его молодому господину Юю, — Мо Ли решил немного поговорить, чтобы выполнить указание господина сделать всё публично. Он знал, что Сяо Ли болтлива и не умеет хранить секреты. Теперь, когда она спросила, он решил воспользоваться моментом. К тому же она была из покоев госпожи, и её словам поверят больше.

— Молодому господину Юю? — Сяо Ли была поражена. Сегодня все знали, что молодой господин Юй вызвал недовольство князя, и его наказали. Как же госпожа могла сразу же потребовать женьшень для него?

О том, что госпожа предвзята, знала вся резиденция, но сегодня всё указывало на то, что князь невзлюбил молодого господина Юя. Только что его наказали, а она уже требует женьшень? Это было слишком. Сяо Ли с негодованием сказала:

— У старшего господина слабое здоровье, а женьшень — это лучшее лекарство. Как госпожа могла...

Мо Ли развел руками, делая вид, что он в затруднении.

— Мы, слуги, не можем знать мыслей господ. Я сейчас иду нести женьшень молодому господину.

— Госпожа слишком предвзята!

— Тсс, — Мо Ли приложил палец к губам, оглянулся и, убедившись, что поблизости никого нет, тихо сказал. — Лучше не говори такого, а то госпожа с тебя шкуру спустит.

Сяо Ли высунула язык, думая про себя, что госпоже вряд ли получится вернуть свою власть после всего, что произошло. С таким скандалом ей будет трудно снова управлять резиденцией.

— Ладно, пойду, а то молодой господин Юй рассердится, и мне попадёт.

После ухода Мо Ли Сяо Ли осталась стоять, размышляя о произошедшем.

<http://bllate.org/book/16672/1529161>